

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО.

Работу выполнил
ученицы 10 класса
МОУ «Кувакинская СОШ»
Аржанова Анна

Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович (*Симеон* – имя, полученное им при пострижении в монахи) – первый профессиональный русский поэт и драматург, зачинатель сразу двух литературных родов в русской литературе и создатель первых образцов в области силлабической книжной поэзии и театра. Родился он в Полоцке и получил образование в Киево-Могилянской коллегии – тогда самом крупном центре православного гуманитарного и богословского образования. В 1656 г. он принял монашество и стал учителем в братском училище полоцкого Богоявленского монастыря. В июле того же года в Полоцк приехал московский государь Алексей Михайлович, и 12 отроков братской школы во главе с Симеоном Полоцким встретили его приветственными виршами, прославлявшими воссоединение Украины и Белоруссии с Россией. Так молодой учитель впервые обратил на себя внимание царя.

Симеон считал чрезвычайно важной задачей развитие в Российском государстве школьного образования. Он считал, что надо строить училища, "стяжати" учителей, и даже составил свой проект устава Академии. По замыслу Симеона, она должна была быть организована по типу Киево-Могилянской, но со значительно расширенной программой преподавания отдельных наук. Устав Симеона Полоцкого предусматривал изучение учащимися всего круга "свободных" наук, гражданских и духовных, начиная от грамматики и пиитики и заканчивая философией и богословием. Устав предусматривал также "учения правосудия духовного и мирского", т. е. церковного и гражданского права. В Академии должны были систематически преподаваться 4 языка: славянский, греческий, латинский и польский.

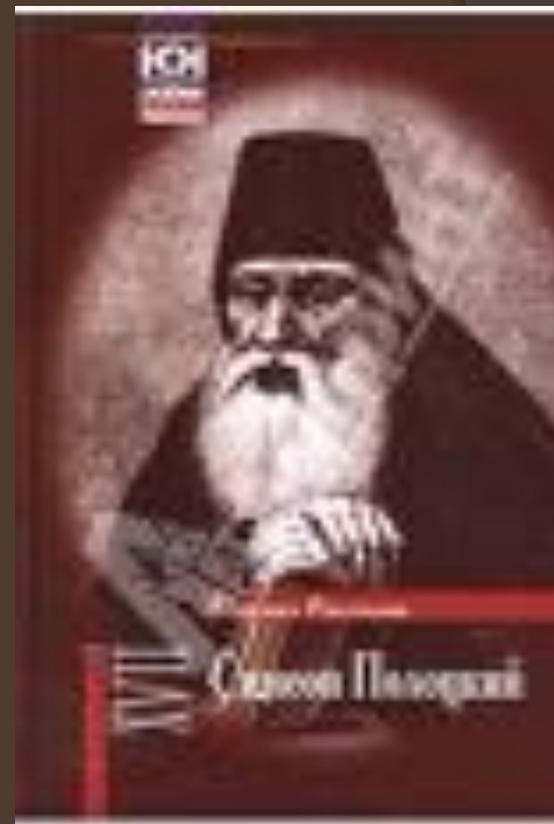
С творчеством Симеона Полоцкого обычно связывают вопрос о возникновении в русской литературе стиля *барокко*. Барокко как литературный стиль, как известно, определяется не только совокупностью формальных признаков, но и своей историко-культурной ролью, своим положением между Ренессансом и классицизмом. Поэтому главное отличие того стиля, который называют русским барокко, от западноевропейского заключается в том, что в России не было стадии Ренессанса. Если в европейских странах барокко пришло на смену Ренессансу и проявилось в частичном возвращении к средневековым принципам в стиле и мировоззрении, то русское барокко не возвращалось к средневековым традициям, а подхватило их и укрепилось на них. Поэтому выделяемые как отличительные признаки стиля барокко витиеватость, "плетение словес", любовь к контрастам, формальные увлечения, идея "суеты сует" всего существующего, хронологическая поучительность и многое другое – все это не "возродилось" в русской литературе XVII столетия, а явилось продолжением своих местных традиций.

Стиль барокко как бы собирал и "коллекционировал" сюжеты и темы. Он был заинтересован в их разнообразии, замысловатости, но не в глубине изображения. Внутренняя жизнь человека интересовала писателя барокко только в ее внешних проявлениях. Быт и пейзаж присутствуют, но чистые и прибранные, по преимуществу богатые и узорчатые, многопредметные, как бы лишенные признаков времени и национальной принадлежности.

Симеон принес в Россию новую, барочную концепцию писательского труда и старался ей следовать не только теоретически, но и практически, всем своим творчеством. Согласно этой концепции, писательский труд – это личный нравственный подвиг, подвиг творца: как Бог Словом сотворил мир, так и писатель творит художественный мир поэтическим словом. Таким образом, поэзия (и вообще литература) благословенна свыше и состоит в отождествлении Слова Божия и слова как первоэлемента словесности. Будучи невысокого мнения о древнерусской книжности, Симеон, человек европейски образованный, мыслил себя первым русским писателем, основоположником, творцом новой русской словесной культуры. Но он прекрасно понимал и то, что для нее нужны новые читатели, способные ее воспринять и оценить. Этим также объясняется его необыкновенная творческая активность. Стремясь воспитать таких читателей, Симеон буквально насыщал быт царского двора и столичной аристократии силлабическими виршами. В праздничные дни публично исполнялись его стихотворения в жанрах "декламации" и "диалога", причем чтецами выступали и сам автор, и специально обученные отроки. Публично исполнялись также "приветства" - панегирики. Симеон старался использовать каждый мало-мальски подходящий случай, когда казалось уместным произнести речь в стихах. Он сочинял такие речи и для себя, и для других – по заказу или в подарок. Они звучали на царских парадных обедах, в боярских хоромах и в церквах в дни храмовых праздников.

Симеон Полоцкий оставил после себя несколько десятков тысяч стихотворных строчек. Центральными его произведениями стали сборник панегирических "стихов на случай" "*Рифмологион*", стихотворное переложение библейских псалмов "*Псалтырь рифмотворная*" и оставшийся рукописным огромный сборник "*Вертоград многоцветный*".

Центральное произведение Симеона Полоцкого – сборник "**Вертоград многоцветный**" (1677–1678). В соответствии с барочной концепцией творчества, сборник этот должен был одновременно и развлекать, и поучать читателя, т. е. он являлся одновременно и занимательным чтением и своеобразной энциклопедией. Такой замысел определил композиционное построение сборника: весь материал был распределен по тематическим рубрикам в алфавитном порядке названий. В содержательном, тематическом, жанровом и стилевом плане "Вертоград" характеризует прежде всего барочная пестрота. Перед читателем предстают исторические деятели прошлого: Цезарь, Август, Александр, Диоген, Карл Великий; экзотические животные, иногда вымышленные: птица-феникс, плачущий крокодил, страус, осмысляемые в аллегорической традиции древне-русских "физиологов", драгоценные камни, христианские символы, нравственные свойства и т. д. Справедливо замечание И.П. Еремина, говорившего о "Вертограде" как о "своеобразном музее", "на витринах которого... выставлено для обозрения все основное, что успел Симеон, библиофил и начетчик, любитель разных "раритетов" и "куриозов", собрать в течение своей жизни у себя в памяти".

Барочный взгляд на мир предполагал возможность метафоры "мир – книга", очень близкой Симеону Полоцкому, приравнивавшему поэтическое творчество к акту Творения. В одном из стихотворений "Вертограда многоцветного" эта метафора отчетливо декларируется:

*Мир сей приукрашенный – книга есть велика,
еже словом написал всяческих Владыка.*

*Пять листов препространных в ней ся обретают
яже чюдна писмена в себе заключают.*

*Первый же лист есть небо, на нем же светила,
яко писмена, Божия крепость положила.*

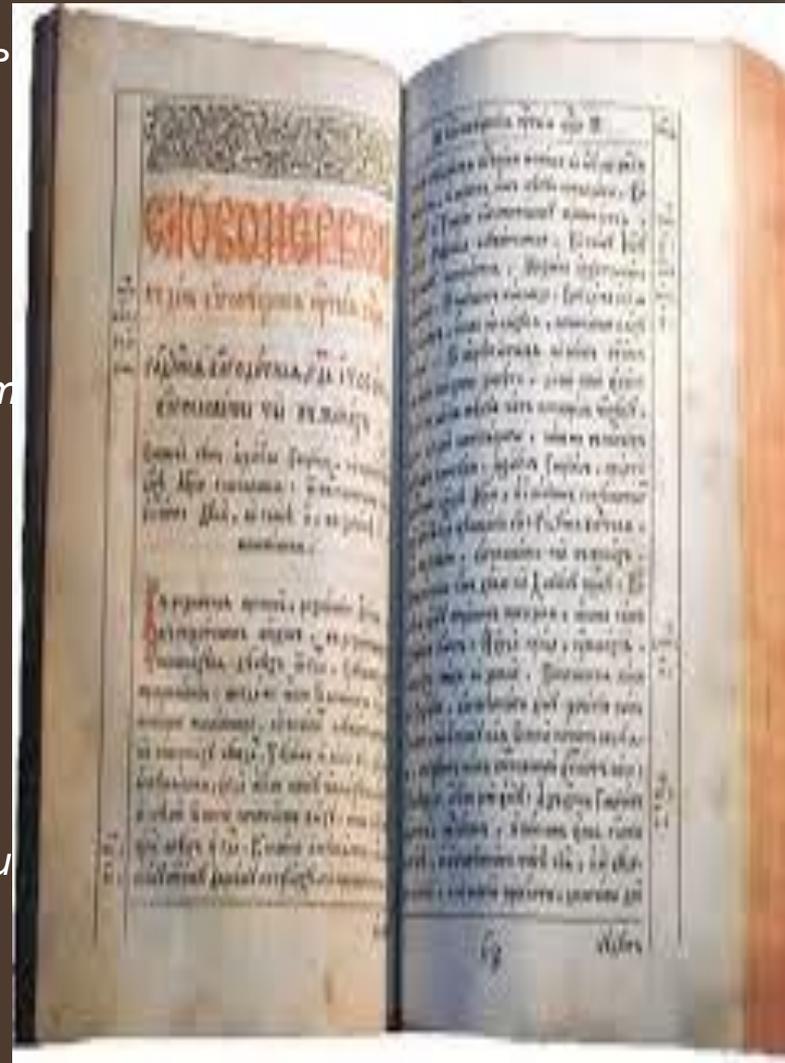
*Второй лист огонь стихийный под небом высоко
в нем яко Писание силу да зрит око.*

*Третий лист преширокий аер мощно звати,
на нем дождь, снег, облаки и птицы читати.*

*Четвертый лист – сонм водный в нем ся
обретает,*

в том животных множество удобь ся читает.

*Последний лист есть земля с древесы, с травами
с крушцы и с животными, яко с письменами.*

Целый ряд произведений сборника "Вертоград многоцветный" предвосхищает жанр басни (притчи) в классицистической литературе. В качестве примера можно привести стихотворение "Жабы послушныя". Сначала Симеон рассказывает сюжетный анекдот о том, как в некотором монастыре, находившемся рядом с болотом, "многи жабы... воплем своим досаждаху молящымся иноком". Один из братьев, посланный начальником ради смеха приказать жабам замолчать, действительно утихомиривает их именем Христовым: "Оттоле гласа тамо жаб не бе слышати". Из этого анекдота следует "мораль": так же, как некогда жабы, ныне люди (особенно женщины) часто болтают в церкви во время службы. И стихотворение заканчивается призывом к ним:

*Тщитесь убо, бабы, жабы подражати,
Во время жертв духовных глас свой удержати.*

И в поэтических сборниках, и в драматургии Симеона Полоцкого наиболее отчетливо отразились барочные веяния, проникающие в русскую литературу во второй половине XVII столетия. При этом надо иметь в виду, что русское барокко, отразившееся в поэтической практике поэтов-силлабиков, в том числе и их учителя Симеона Полоцкого, достаточно существенно отличалось от европейского. А.М. Панченко говорил прежде всего об "умеренности" как отличительной особенности русского типа барокко. Чуждое решительных крайностей, избегающее описаний загробных ужасов и предсмертных мучений, русское барокко лишено мятежности и экзальтированности. Парадоксальным образом *"силлабики, воспитанные в европейской школе, в определенном смысле менее барочны, чем их современники-расколоучители, генетически с барокко никак не связанные. В произведениях последних мы находим того трагического максималиста, всякую минуту готового к подвигу духа и плоти, который напоминает нам европейца времен Тридцатилетней войны. Силлабики же – это медлительные просветители, уверенные в могуществе собственного разума"*.

